

РАССКАЗЫ

ПЫЛЕСОС

В дверь позвонили. Филипповы никого не ждали, а потому было понятно, что пришли какие-то продавцы. Того или сего. Страховок, титанов для воды, наборов ножей, аляпистых картин, а может, свидетели Иеговы. Маша Филиппова всегда открывала им дверь, извинялась, что занята, и они уходили. Некоторые были поживее и втягивали ее в разговор, считая, что смогут убедить купить свой товар или даже сменить веру, но безуспешно. Бывало, что Маша, напротив, начинала стыдить «свидетелей» за то, что они предали веру отцов. Это она говорила двум проповедникам-армянам. У нее в голове не укладывалось, как армяне, древний христианский народ, могли отказаться от своей веры.

Мальчишку одного, украинца, тоже однажды минут двадцать идейно окучивала. Светловолосый канадский подросток постучал в дверь, чтобы продать Филипповым какие-то особенные контракты, помогающие сэкономить на электричестве. Он мел языком долго, а Маша его слушала потому, что он был приятный: с открытым лицом, улыбчивый и какой-то родной, что ли... Она смотрела на него с материнской лаской, и он первым спросил: «На каком языке вы говорите?»

— На русском.

— А я на украинском, — сказал подросток по-английски и доверчиво разулыбался, будто встретил родственницу.

Разулыбался, несмотря на то, что на дворе стоял 2015 год. И украинцы уже не улыбались русским. Но мальчишка, видимо, не увлекался политикой, а взрослые не вовлекли его в свои разговоры, вот и разулыбалось дитя родному по крови человеку.

Тогда Маша посерьезнела и сказала по-английски:

— Я тебя слушала, теперь ты меня послушай... Если тебе кто-то когда-то скажет, что мы, русские, ненавидим украинцев — не верь. Мы — ваши братья. Мы любим вас. Все, что происходит сейчас на Украине, устроено врагами. Украинцы используются как оружие против России. Но мы — один народ. Слово «Украина» означает «окраина». Окраина чего, ты думаешь? Америки? Канады? Окраина России! А раньше называлась «Малороссия» — маленькая Россия...

Маша прочитала пацану целую лекцию, и видно было, что он ошеломлен, но слушал внимательно. И смотрел на нее во все синие глаза.

— Ну, будь здоров! — попрощалась в конце Маша на русском.

Эвелина Азаева родилась в 1970 году в Алма-Ате, окончила журфак КазГУ. С 1991 года жила в Новосибирске. Работала собкором «Комсомольской правды» в Сибири. С 1998 года живет в Торонто. С 2004-го по 2017 год издавала газету «Комсомольская правда в Канаде». Является собкором «КП» в этой стране. С 2018 года издает газету на английском языке «York Region Review». Автор двух сборников рассказов, вышедших в Канаде («А хочешь в Канаду?» и «Полное накрытие»).

И мальчишка кивнул и снова засиял улыбкой, как солнышко. Понял что она ему сказала.

И вот — звонят в дверь. В выходной. Маша идет к двери, а ее муж Игорь поднимается на второй этаж в свой кабинет. Ему надо сделать кое-какие расчеты. Игорь — строитель. У него своя компания. Строит дома, продает, на прибыль строит новые... Маша нарадоваться на мужа не может: и откуда что взялось? Он окончил инженерно-строительный институт в Новосибирске, но почти не работал по специальности. Увлёкся общественной деятельностью, был продвинут по комсомольской линии, переехал в Красноярск, и большей частью занимался продвижением марксизма-ленинизма в массы. В 90-е, когда страна рухнула, помыкавшись, Филипповы решили эмигрировать. Случайно узнали, что Канаде требуются инженеры. Ельцинской России они не требовались. Ей требовались бандиты, барыги и каналы отправки народного добра за границу. Впрочем, впоследствии выяснилось, что и Канаде иностранные инженеры тоже не нужны — чтобы подтвердить свое инженерство, нужно было пуд соли съесть, и не факт, что получишь желаемое. Зачем тогда профессию в список требуемых — непонятно. Наверное, чтобы получить образованных таксистов. Но Игорь долго не заморачивался. Плюнул на диплом, сколотил команду рукастых мужиков и начал ремонтировать дома, а затем и строить. Организаторские способности комсомольского вожакагодились: он мог и людей подвигнуть на труд, и статью рекламную о своей компании в газету написать... Дело спорилось, у Филипповых были большой, красивый дом и солидная сумма на счету.

...Маша открыла дверь и увидела худощавого мужчину лет сорока. Для ветреного ноября он был довольно легко одет: клетчатая рубашка с длинными рукавами, нелепая бордовая жилетка, вышедшие из моды джинсы. Такие в секонд-хенде продают.

Рядом с ним стоял блестящий новенький пылесос.

— Наша компания предлагает замечательные пылесосы! — произнес мужчина, сделав радостное лицо. — Они не только пылесосят, но и моют полы и уничтожают бактерии, которые содержатся в...

Маша сразу поняла, что он русский. По акценту.

— Что ж вы так легко оделись? — спросила. — Вас же сейчас ветром снесет с крыльца.

— А я в машине в основном, — ответил «пришелец». — Я заказы на бытовую технику по домам развожу, ну, и немножко продаю.

При слове «продаю» он вытянул вперед руку с трубкой от пылесоса. Рука была обветренная и замерзшая.

— Входите, — пригласила Маша.

Мужчина нерешительно зашел, внес пылесос. Осмотрелся так, что было понятно: таких хором он еще не видел. «Красиво у вас», — сказал. И Маше это понравилось. Ее знакомые делали вид, что таких домов они видели-перевидели, хотя дом был уникальным: она и Игорь сами его спроектировали и придумали дизайн интерьера.

У продавца пылесосов было простое славянское лицо, хотя и темные волосы, и карие, чуть татароватые глаза. Он чем-то походил на артиста Буркова. Наверное, тоже сибиряк. Там лица славянские, а волосы нередко темные и глаза узковатые, смешались русаки с местными народами.

— Вы откуда? Не из Сибири?

— Из Красноярска! — ответил мужчина.

— И мы из Красноярска, — обрадовалась Маша. — Чаю хотите?

Мужчина молчал и смущенно смотрел на нее. Колебался. Чаю хотелось, но не положено. С другой стороны, откуда канадская компания, в которой он работает, узнает, что он тут чай пил? Русские не стучат.

— Идемте! — скомандовала Маша, и он снял видавшие виды ботинки и, нерешительно ступая по роскошному мохнатому ковру, двинулся на ее сияющую мрамором и гранитом кухню. Озирался при этом, как будто Хозяйка Медной горы привела его в свою пещеру.

Оказалось, его зовут Алексей. В Канаде — полтора года. Долго не мог найти работу. Потому берется за все, что предлагают. Мыл полы в индийском ресторане, упаковывал кур на фабрике, трудился на стройке, но сорвал спину и вот теперь продает пылесосы. Деньги маленькие, потому что платят ему проценты с проданного, ну и за развозку техники платят минимальную зарплату. Жена работает в «Макдональдсе». Двух зарплат еле хватает на оплату снимаемой квартиры и все необходимое для Алексея, супруги, и двух дочек.

Если бы он был моложе, Маша посоветовала бы ему бросить всю эту хренотень, сесть на сощпособие и обучиться какой-то профессии, на которую есть спрос. В Канаде из кого попало быстро делают «специалистов». Потому все стараются лечиться дома, сами, и вообще многое делать сами, а то, не ровен час, нападешь на мануала, который вчера был парикмахером.

Но Алексею было лет сорок. Учиться поздно. То есть можно, но без «канадского экспириенса» — опыта — трудно будет в таком возрасте работу найти. Да и английский у него не ахти. Мысли у Маши метались, пока она наливала гостю чай и подпихивала под нос коробку конфет, из которой гость, впрочем, так и не решился взять ни одной конфетки, как она его ни упрашивала.

Алексей выпил чашку чая, и она, видимо, придала решимости.

— А давайте все-таки, коли уж я здесь, я вам про пылесос расскажу! — объявил он и, не ожидая ответа, понесся...

Маша не знала, что пылесосы бывают классические с мешками, бывают циклонные без мешков, бывают с аквафильтрами... Она не знала, что какой-то пылесос хорош, но он не может втащить в себя перышки или обрывки ниток, а другой хорош, но там пыль собирается в воздушные пузырьки, а потом они на выходе лопаются, и пыль опять поступает в воздух, а пылесосы с мешками неудобны тем, что эти мешки надо где-то искать, а ведь их может и не быть в продаже, и тогда, по словам Алексея, дому грозила гибель.

Маша узнала, как пыль может свести человека в могилу и что в коврах и мебели живут жутчайшие бактерии, которые столько болезней у тебя могут вызвать, что впроу заранее руки на себя наложить, чтобы не мучиться.

Алексей говорил без умолку, и его невозможно было остановить. Он бегал вокруг пылесоса, махал руками, лицо его горело вдохновением, глаза сверкали. Несколько раз Маша пыталась сказать ему, что у них, вообще-то, есть пылесос и она просто хотела напоить его чаем, но он отвергал ее доводы: «У вас пылесос? Да вы не знаете что такое настоящий пылесос! Дайте я покажу!» Он взял наконец шоколадную конфету, бросил ее на тот самый роскошный ковер, по которому прошел на кухню, и — о, ужас! — раздавил ее ногой в носке. На белый ковер хлынул ликер из конфеты, ворс окрасился в коричневый цвет.

Маша стояла, онемев.

— Щас! — с кривой ухмылкой сказал Алексей и включил свою адскую машину. Пылесос загудел, что-то в нем забулькало, и действительно от пятна ничего не осталось.

Маша села.

— Посмотрите! Как такое не купить? Да вы просто обязаны, если заботитесь о здоровье семьи! — уговаривал Алексей. — Плохой пылесос — это астма у детей, это аллергия у вас, это...

— Знаете, мне нужно работать, — сказала Маша. — У меня осталась незавершенная работа... Извините, конечно, но...

Однако в Алексея словно бес вселился. Он уже раскручивал свой сверкающий пылесос и тряс перед Машей деталями.

— Вот! Смотрите! Вы такое еще где-то видели? С таким пылесосом вам не нужно будет менять фильтры! А вот посмотрите, видите насадочку? Теперь вы сможете достигать пылесосом до самых отдаленных углов... Потолки-то у вас высокие... А вот посмотрите...

Из своего кабинета спустился вниз Игорь. Посмотрел на мужчину у раскрученного пылесоса, на жалобное лицо супруги и завел ее за локоток в прилегающую гостиную.

— Выгнать его?

— Не надо! Он просто хочет прокормить семью...

— Но есть предел пропаганде, — сказал бывший комсомольский работник.

— Нет-нет, я сама, — прошептала Маша.

Алексей, казалось, не заметил их отсутствия. Он, видимо, собрал в голове еще какие-то аргументы, потому как стоило Маше объявиться, на нее хлынул новый поток информации о пылесосах...

Маша обреченно смотрела на часы. Продавец пылесосов не уходил. Хотелось есть. Она пошла к холодильнику, достала голубцы и разогрела. Одну тарелку отнесла мужу в кабинет, вторую поставила перед собой, третью — перед Алексеем.

— Простите, но я поем, — произнес он с виноватым видом и уселся.

— На здоровье.

Алексей ел и остывал. Видно было, что поначалу он еще был не в себе, прокручивал в уме какие-то сценарии что может случиться с домом и его жильцами, если у них не будет такого чудного пылесоса, но постепенно успокоился, стал есть медленнее и уже смотрел не на хозяйку, а в тарелку.

— Вы можете оплатить покупку «Визой», — вдруг произнес. — У меня с собой машинка.

Видно, ему хотелось спросить, купит ли Маша пылесос или нет, но он боялся услышать отказ. Потому говорил о покупке как о чем-то решенном. Может быть, его так научили на тренинге по маркетингу.

Маша молчала. Ей не нужен был пылесос. У нее был свой плюс приходящая домработница, которая мыла полы. Но как отказать земляку — не знала. Он потратил полтора часа. Надеялся.

— Я, конечно, не хочу вас уговаривать, но... а вдруг ваш пылесос сломается? И тогда вы достанете наш, новый, — сказал Алексей, но при этом весь как-то поник, сдался и опустил голову.

— А никак иначе нельзя заработать? Вы в агентства по трудоустройству обращались? — спросила Маша.

Он молчал.

Маша пошла к мужу.

— Надо купить. Мужик новенький в Канаде, денег нет, двое детей. Пылесос стоит семьсот долларов.

— Лучше просто дай ему денег.

— Сколько?

Игорь пожал плечами.

Маша взяла из шкатулки, в которой хранила наличные, двести долларов и пошла вниз.

Алексей сидел за столом сгорбленный, поникший и рассматривал узор на своих носках.

— Смотрите, вам дадут с продажи какие-то проценты. Наверняка эта сумма покрывает эти проценты. Возьмите... А как разбогатеете — отдадите. А не разбогатеете, так и ладно, — наигранно веселым голосом сказала Маша.

Тот молчал. Думал. Потом вздохнул:

— Спасибо. Не нужно. Просто если узнаете, что кому-то нужен пылесос, позвоните. И сунул ей в руку визитку. И пошел, аккуратно ступая по белому ковру, как будто боясь осквернить его своими дешевыми синтетическими носками.

Игорь пришел, увидел деньги на столе, задумчивую жену.

— Ну, что молчишь? У нас тоже не все сразу было хорошо... Обживется, поднимется, и все у него будет.

— Я не об этом молчу.

— А о чем?

— Почему их так много? Вот этих людей, у которых нет работы и которые каждый день стучатся в двери?.. Ты понимаешь, что это бедняки?! Что, как не бедность, гонит людей ходить от крыльца к крыльцу и навязывать товары, услуги! И это в двадцать первом веке! Причем ходят иммигранты и молодежь... Пожилые все при работе! Правительством отодвигает и отодвигает пенсионный возраст. Мы с тобой на пенсию, наверное, лет в семьдесят пойдем... А в это время молодежь, окончившая вузы, ходит по домам и продает что попало, чтобы выплатить долги за учебу. На профессию, по которой они никогда и работы-то не найдут...

— Тебе, мать, надо было на моем месте секретарем по идеологии работать, — улыбнулся Игорь.

— А разве ты говорил неправду? — с жаром накинулась Маша. — Ты рассказывал о безработице в странах капитализма, о том, что человек не уверен в своем будущем, о том, что людей эксплуатируют, выжимая из них все. И что здесь неправда? Кто из нас уверен в своем будущем? Любого могут уволить, если он не член профсоюза, любой бизнес может рухнуть в одночасье, кризис вон один за другим...

— Жить вообще опасно, умереть можно, — улыбнулся Игорь.

Но сам он над всем этим тоже думал. В 90-е начался пресса, с ужасом узнал обо всех грехах партии, которой служил, выбросил комсомольский билет и ринулся в светлое западное будущее. Он был сибиряк, из простой семьи, никто из его родни до этого не жил за границей. Людям он о той треклятой загранице рассказывал в советское время не потому, что видел ее и знал, а потому, что начался о ее недостатках в советских газетах и журналах. Потому когда СМИ начали писать обратное — что на Западе все зашибись как справедливо, правильно и лучезарно, он поверил. Молод еще был, тридцати не исполнилось. Но теперь, живя в Канаде, он понял, что советские газеты не лгали. И американская военщина есть, и социальное неравенство, и депрессия на фоне безработицы — не придуманная болезнь. И человек человеку волк — близко к истине. А в последние десятилетия к этим вечным недостаткам капитализма прибавились еще и либеральные сексуальные реформы, и мир стал выглядеть еще гаже.

Игорь встряхнул головой, желая освободиться от «жалобных мыслей». В конце концов, у них, Филипповых, все хорошо. Канада не припомнила ему коммунистического прошлого — приняла. Сами канадцы — вежливые, доброжелательные, отзывчивые. Стоит на дороге остановиться, сразу кто-то вываливается из своей машины и спрашивает, не нужно ли помочь. В госучреждениях обслуживают быстро и с улыбкой. А особенно Игорю нравится, что канадцы с уважением относятся к любой профессии, не спесивый народ. Для них и миллионер «мистер», и уборщик «мистер». Нет такого, чтобы на людей физического труда смотрели свысока. Ценил Филиппов и то, что в эмиграции он быстро раскрутился и теперь ни в чем не нуждается. Действительно, страна

больших возможностей. Вот он иммигрант, а у него большой дом, приятный счет в банке, две машины в семье. Филипповы регулярно отдыхают в Доминикане. В Европу ездили не раз. В советское время ему такое «богачество» и не снилось. Нет, Канада — замечательная страна!

Но в глубине души Игорь знал, что комфорт — не главное. Важное, приятное, но не главное. Если бы кто-то ему сейчас сказал, что давай ты будешь жить скромнее, но бедных больше не будет. Нигде. Во всем мире не будет бедных. Все будут жить в скромном достатке. И ты.

Он бы согласился, не мешкая. И Маша бы согласилась. Она эту проблему решает, кстати, помаленьку. Утаскивает деньги из шкатулки и раздает. То на лечение больного ребенка в Россию пошлет, то каким-то старикам, то на ремонт церкви... Игорь делает вид, что не видит, а сам просто подкладывает в шкатулку денег. И голосует на выборах за Партию новых демократов, которых многие презрительно кличут социалистами. Про себя усмехается: стоило комсомольскому вожаку переезжать на Запад, чтобы за социалистов голосовать?

Машка шмыгает носом.

— Ну, чего ты? — он гладит ее по голове.

— С жиру бесуюсь, — пытается она улыбнуться.

— Вот именно! Мир состоит не только из несчастных людей... Нельзя так сосредотачиваться на неприятностях других. В конце концов, этот пылесосник еще молодой, здоровый, может заработать. Давай лучше на Новый год в Москву поедем. Хочешь?

Маша кивает. Она работает, но уверена, что отпуск дадут.

— Давай пиццу закажем! — говорит муж и набирает номер телефона ближайшей пиццерии. Заказывает.

Минут через двадцать в дверь звонят. Продавец пиццы оказывается афганцем лет сорока-пятидесяти. В мятом пиджаке, с мятым лицом.

Маша подает ему стодолларовую купюру, и афганец начинает рыться в карманах. Набирает сдачу, дает ей, благодарит за чаевые — четыре доллара — и уходит.

Маша с Игорем только берут куски в руки, как — звонок в дверь. На пороге стоит расстроенный афганец.

— Вы мне сто долларов дали?

— Да.

— А у меня их нет, — и он с ужасом смотрит на Машу.

— Но я вам их дала.

— А точно? Я в темноте мог не разглядеть. Вы точно дали сто?

У него жалкое лицо. Он думает, что ему сунули непонятно что, а он сдал как с сони. И теперь ему все это возвращать в кассу пиццерии. А денег у развозчика пиццы — сами понимаете...

Маша бросила взгляд на его машину. Старенькая, бывшая в большом употреблении. В темноте не видно, но наверняка еще и ржавая. Купил по дешевке или вообще со свалки взял и отремонтировал.

Афганец стоит, и на лице его — вселенское горе.

— Сейчас! — Маша надевает пальто и идет на улицу искать с ним сотню.

— Она у вас выпала, наверное, и ветер унес! — перекрикивает она ветер. — Сейчас найдем!

Она заглядывает под его машину, под свою, под автомобиль Игоря. Нигде нет. Афганец в это время тоже мечется, везде заглядывает. И вдруг говорит: «Вы не ищите, я сам, сам!», и Маша понимает, что он испугался, что она найдет сотню и заберет ее. Ей обидно.

Она поднимается на порог и стоит там, следя за его поисками и командуя оттуда: «В канаве посмотрите, может, туда ветер отнес!» Сама с тоской думает: что теперь делать? Он же уверен, что она его обманула, сунула вместо сотни другую купюру.

Маше жаль и этого афганца, и вообще всех афганцев. Их земля вот уже не первую сотню лет сотрясается войной. Кто там только не воевал, и нет этому кошмару конца. Вот уже несколько поколений детей вырастают под взрывы, власть постоянно меняется, и те, кто были у власти раньше, подвергаются репрессиям от новых, что только пришли. А потом власть снова меняется, и снова отстреливают и избивают тех, кто был в силе до того...

Примечательно, что канадские афганцы к русским относятся хорошо. Чуть на шею не бросаются: «Шурави!» Многие работают в пиццериях. Однажды, когда американцы только начали бомбить Афганистан, Маша зашла в пиццерию и увидела знакомого афганца.

— Я слышала сообщение по телевизору, — сказала. — Я очень сострадаю вашему народу! Когда это все кончится?!

Афганец кивал, соглашался и говорил, что лучше русских никого нет. Что они строили в его стране больницы, школы и жаль, что ушли. Если бы победили, не было бы никакого «Талибана».

Так они ласкали друг друга речами, а потом Маша взяла пиццу и пошла к выходу. И увидела совершенно обалдевшее лицо белой женщины, коренной, видимо, жительницы, которая смотрела на Машу, открыв рот. Кусок пиццы застыл у нее в руке. Женщина, похоже, не представляла себе, как можно осуждать американские бомбардировки. Америка же несет варварам демократию. А может быть, ей было удивительно, что афганцы после участия СССР в войне на стороне пришедшего к власти правительства так братаются с русскими.

И вот сейчас Маша обреченно думала, что развозчику пиццы надо подарить сто долларов. Бедолага так жалобно спрашивал про свою сотню. Надеялся, видать, что шурави одумается и вернет ее. И тут же Маша поняла, что если она подарит ему сейчас деньги, другую сотню, то он совершенно уверится, что она его обманывала, а сейчас в ней заговорила совесть. Не поверит, что она просто добрая. Было грустно и противно.

— Нашел! — радостно закричал афганец. — Я нашел!

Купюра прилипла к колесу с внутренней стороны. Улетела и прилипла к мокрому.

Маша вздохнула и отправилась есть пиццу. И мечтать, как они с Игорем поедут в Москву. Она думала, что надо учиться получать удовольствие, не переживая о тех, у кого его нет. Всем не поможешь. Она не Бог, чтобы всех накормить одним куском хлеба. И вообще, она честно заработала свое благосостояние. Вон в процессе иммиграции, в первые годы, сколько дерьма съела! Иммиграция — это ведь не фунт изюма, очень сильно надо постараться и многое перенести, чтобы переехать, получить документы и встать на ноги. Заслужила она, короче, чтобы жить — не тужить. Надо учиться наслаждаться жизнью и не думать о тех, кто застигнут пургой в пути, кто лежит на операционном столе и кто ложится пораньше спать, чтобы заглушить чувство голода. А то еще рак заработаешь. Он, говорят, от стресса.

Опять подступают слезы... Что же это? Неврастения, наверное. Надо витамины попить.

Маша ест пиццу, а вечером, когда Игорь уже спит, она тихонечко выскальзывает в гостиную, зажигает свечу перед иконой и просит: «Господи, помоги всем людям. Всем, кто продает пиццу, пылесосы, кого бомбят... Русским, украинцам, афганцам, черным в голодной Африке, сирийцам, иракцам...» Она молится за всю планету, встав на колени и шепча: «И прости нам долги наши, яко же и мы прощаем должникам нашим...»

Разбить бы этот чертов телевизор с его новостями и компьютер заодно, мелькает мысль. Они вытянули все нервы. И тут же Маша просит прощения за вырвавшееся «чертов».

Молитва облегчает душу, и, выплакавшись, с затаенной надеждой, что Он услышал и хоть немножечко выполнит просимое, она идет спать.

В ее окно светит большая полная луна. Маша ложится в чистую, теплую постель, в которой спит ее добрый и терпеливый муж. «Господи, пусть у всех так будет», — успевает подумать Маша и мгновенно засыпает.

ГАЗ И ПУШКИН

В редакцию эмигрантской газеты «Русский Запад» зашел простодушного вида мужичок, чтобы дать объявление о том, что он занимается грузоперевозками.

Работа в редакции шла полным ходом. Создавались нехитрого дизайнера рекламные объявления, а меж ними вставлялись ворованные из российской прессы заметки. Ну, это чтобы рекламный буклет выдать за газету. Издатель Данила Чмаковский всем говорил, что он журналист и член Союза писателей. Диплома и статей его никто не видел, но верили. Дыма ведь без огня не бывает.

В эмиграции редко встретишь простого человека. Половина — кандидаты наук, половина — бывшие генеральные директора. Как в СССР помещалось такое количество высокообразованного начальства — непонятно. И главное, встретишь такого — нипочем не поймешь, что образован. Пишет он обычно «мебелированная квартира», «в общем», а говорит «шо» и «шобы», но снисходительно посмеивается: «Это у нас русский уже ушел, а английский еще не пришел».

Вот и у Чмаковского, который выбрал для себя называться журналистом и писателем, русский язык не просто ушел, а сбежал, как неверная жена с цыганом.

— Ты этой клизьме звонила? — спрашивал он рекламного агента Цыпкина. — Ну, той, что стельками торгует.

— Ортопедическими?

— Какими еще, ты думаешь?

— Сказала, скоро сделает пеймент¹. Я ее предупредил, что если не оплатит, то мы заканселим ее рекламу.

— Не заканселим, а канселируем!² — возмутился Чмаковский. — Говори по-русски, в конце концов.

Раздосадованно он вперился взглядом в экран висящего на стене телевизора. Показывали документальный фильм о принцессе Диане. Издатель долго молча смотрел.

— Шо она за человек? — наконец возмутился. — Такой кипиш развела вокруг измены мужа... Я бы на ее месте пришел к королеве и сказал прямо: «Мама, шо происходит?! Мама!»

Чмаковский раскинул руки и вытаращил глаза в недоумении и негодовании.

Новенькая сотрудница, всего месяц назад приехавшая из Тулы и даже еще не получившая вида на жительство, отвернулась, пытаясь скрыть смех. Но не удалось.

— Смеешься? — нахмурился Данила. — Погоди, я вот в Министерство иммиграции напишу, и тебя, клизьму, живо отсюда выставят...

Сотрудница сжалась и замерла. Остальные с насмешкой на нее посмотрели. Они узнали ее тайну — что она без канадских документов — и теперь, если что пойдет не так, могут стукнуть. Или просто припугнуть, чтобы знала свое место.

¹ Payment (англ.) — оплата.

² Cancel (англ.) — отменить.

В Канаде гражданская сознательность поощряется. Увидел, что где не так, — сообщи. Если кто не по средствам живет — в налоговую. Если кто с женой громко ругается — в полицию. Так как домашнее насилие налицо. А можно туда и сюда, если человек очень уж не нравится. Удобно!

— Что я такого сказала? Почему вы так со мной разговариваете? — спросила новая сотрудница.

— Да потому, что я говно! И все знают, что я говно! — взорвался Чмаковский.

Это девушку как-то сразу успокоило. Видимо, совпало с ее предположениями. Она сидела грустная, но вопросов больше не задавала.

— Это ты в России была журналистом, а здесь ты никто, поняла? — счел нужным пояснить издатель.

Он подошел к ее столу и взял лежавшую на нем свою газету. Она недавно потолстела на восемь страниц.

— Вот это я понимаю! Берешь в руки — маешь вестч! — сказал Чмаковский, взвешивая газету на руке.

В дверном проеме нарисовалась Фаина Рататуйская. Пожилая дама, с пышной рыжей гривой, обильным макияжем и крупными украшениями, в норковой шубе до пят, занималась тем, что привозила в Канаду артистов из России.

Фаина была пожилая, циничная и бесстыжая. Из тех, кому палец в рот не клади — полруки откусит. Новенькая сотрудница однажды по доброте душевной отпечатала Фаине текст объявления, так Фая стала приходить к ней с бумагами каждый день, совать их под нос, а когда получила отказ, побежала жаловаться Чмаковскому.

Тот на что уж самодур, но канадские законы, что нельзя заставлять человека бесplatно трудиться, усвоил. И послал Файку подальше. (Нет, конечно, эмигранты из бывшего СССР сплошь и рядом друг другу недоплачивали, намахивали и обсчитывали, но официально в Канаде это преследовалось, и только незнание пострадавшими законов и адреса, куда обращаться с жалобой, спасало мошенников от справедливого возмездия.)

Вот и сейчас Фаине грозило уйти по направлению. Чмаковский был не в духе. И поскольку Рататуйская платила за рекламу не деньгами, а билетами на концерты, церемониться с ней не стал.

— Фая, вымойте писю и уходите! — рявкнул.

Новенькая окинула всех быстрым взглядом — никто и ухом не повел.

Фаина не обиделась. Вот еще... Обижаться — невыгодно. Дура она, что ли, — обижаться? Нет, она будет юзать³, юзать и юзать этого придурка.

Как ни в чем не бывало она влипла глазами в первую страницу номера, которую верстал дизайнер, не меньший хам, чем его босс.

— Плохи дела в Рашке? — примирительным тоном поинтересовалась Фаина.

Дизайнер не ответил. Он отвечал только тем, перед кем стелился издатель. Дизайнер был лакей, но не знал об этом.

Как всякий эмигрантский дизайнер, он занимался не только версткой, но и подбором заметок в газету. Делать это было легко. Заметки, поскольку воровали их из российской прессы, были в основном о России или о том за ее границами, что для нее важно. И отбирались по принципу «О родине или плохо, или ничего». То есть на страницах «Русского Запада» отражался российский криминал, критика власти и все социальные язвы и миазмы...

Это было обычной эмигрантской практикой конца 90-х, начала 2000-х. Хвалить «бывшую родину» считалось — себя не уважать. Во-первых, будешь выглядеть отста-

³ Use (англ.) — использовать.

ло: среди уехавших в советский период не принято о прошлом высказываться хорошо. Коммунист ты, что ли? Или квасной патриот? Нет, ну понятно, канадцы — патриоты, или, там, американцы. Им есть что любить! А что может любить в своей стране «совок»? Свою бедность и идейность? Мы вас умоляем!

Признавалось иногда за «шотом» водки, что там, в оставленной медвежьей стране, было и что-то приятное: женщины, селедка, природа... Но тут же подчеркивалось, что это не благодаря, а вопреки... И вообще, просто случайно Рашке досталось. Дуракам — счастье.

Есть еще одна причина, по которой говорить о родине хорошо не хотелось. Ведь если признать, что там было хорошо, спрашивается: а что ты тут, в Канаде, делаешь? То есть у редакции, как у большинства переехавших, работал инстинкт самосохранения.

В эпоху СССР и перестройки жить с ненавистью к оставленным палестинам было отраднo. Это чувство вовсю приветствовалось, и отражение его на страницах и в эфире «медиа» (так себя обозначили издающие газеты и купившие телеканалы владельцы мясных лавок и бывшие сотрудники Фонда Сороса) было признаком демократичности и продвинутости. Но потом появилась ересь... В 90-е понаехали из России новые эмигранты и смешали карты. Они отличались непонятной старожилам беспринципностью: уехав из России, продолжали ее любить.

— Какое лицемерие! — восклицала журналистка Кира Пилипецкая, дочитывая до корки издание из «новеньких» с бесстыдным гулаговским названием «Правда». Серое, изможденное долгим рабским, малооплачиваемым трудом в эмигрантской газете лицо Киры становилось серее обычного. После прочтения «Кривды» она весь день не могла ни есть, ни пить. — Это просто невозможно читать, что они пишут! Одно название газеты чего стоит! И кому она нравится? Я каждую пятницу по прочтении непременно бросаю ее в мусор. И даже поджигаю. На каждой странице, в каждой статье у них только и сквозит, какая Россия великая страна...

— А если забрать у них нефть и газ, так что с той России будет? — подсказал рекламный агент Цыпкин.

— Именно! — загорелись глаза у Пилипецкой. — Только это Рашку и спасает! Шантажируют всех! А что у них есть, кроме Толстого да Достоевского? Им и гордиться-то нечем! Я читала, что Толстой был гомосексуалистом, а Достоевский — педофилом. Конечно, в том, чтобы быть гомосексуалистом, ничего стыдного нет, но вот сам факт...

...Забредший дать объявление в классифайд⁴ перевозчик грузов Костя несколько растерялся. В Томске он работал учителем истории и даже не представлял себе, что в редакциях могут идти такие споры. С широко раскрытыми глазами он машинально сел и уставился на присутствующих. Но его не замечали. Мало ли этих, с грязными руками и классифайдами, ходит...

— Достоевского вообще всего запретить надо, антисемита, — сказал Цыпкин. — Нет, я не могу понять, чем Россия гордится? Своими широтами, часовыми поясами, расстояниями... А коли забрать у нее все это? Что останется? Пшик.

— А гонору-то в них сколько! — поддержал дизайнер. — Не могу понять, что в русских великого. Отбери у них, то есть у нас, Пушкина, и что? Все. Ничего в России больше и не было. Газ да Пушкин.

— Балетом еще они своим гордятся, — вставила Пилипецкая. — Балет у них еще надо отобрать.

— Зачем? — спросил из своего угла грузчик-учитель Костя.

На него посмотрели с удивлением, спросили, какого размера у него объявление, и узнав, что маленького, быстро потеряли интерес.

⁴ Classified (англ.) — маленькое частное объявление.

— У нас еще великие победы! — заявил Костя, положив на стол чек и бумажку с текстом объявления и покидая офис. — Над Мамаем и шведами, над Наполеоном и Гитлером...

— О-о-о! — взвыли газетные. — У-у-у! Не было у вас никаких побед! У татар вы в рабстве пребывали, наполеоновскую армию поморозили в лесах, а Гитлер... Гитлер...

— Я читала, он в Аргентине в сто три года скончался от вагинального сифилиса, — сказала Пилипецкая.

— А как он туда попал?

— Гитлер в Аргентину?

— Нет, сифилис, в вагину к стотрехлетнему мужчине, — пояснил заинтересованно дизайнер. — Тем более что у него и вагины не было.

— Зато у Наполеона была! — захохотал Цыпкин.

— У антисемитов все может быть — и вагина, и сифилис, — буркнула Пилипецкая, раздумывая: а правда, как сифилис туда попал?

— Гитлера мясом завалили, — закончил спор Цыпкин. — У России слишком много народу, она его на Гитлера навалила, тому и кранты. А никакие не подвиги...

Тут на пороге офиса появились ветераны. Глухие, они не расслышали последнего заявления, потому лица их излучали радость от скорой встречи с «медиа».

— Вы бы нам объявленьице не дали о встрече ветеранов в годовщину Сталинградской битвы? — спросил Арон Яковлевич Левин, руководитель Канадской ассоциации ветеранов войны из СССР, любовно глядя на Цыпкина.

— Конечно, какие вопросы! — всплеснул тот руками. — Победителям не отказываем! Вы нам жизнь спасли, вы мир от фашизма освободили! Мы в вечном долгу.

Растроганные ветераны, утирая слезы, ушли.

— Какое мы вырастили поколение! Не зря кровь проливали, — бормотал Левин.

— Лучше бы они Рашку Гитлеру сдали, — заметила Пилипецкая, когда за стариками закрылась дверь. — За что, спрашивается, вот эти сражались? За кровавую гэбню, чтобы ей сладко жилось?

— Еще у России знаете, что надо забрать? — задумчиво теребил бородку дизайнер. — Произведения искусства. Сколько их там скопилось! Эрмитажи, Грановитые палаты... И так в каждом городе. Заедешь случайно в какой-то вшивый Плёт, а там — картинная галерея, музей пейзажа... Ни в какие ворота. Никакой скромности. Все наворованное у немцев при бомбежках Берлина и Дрездена! Да! Я в нашей же газете и читал, помните, Кира, вы интервью делали с выжившим бывшим эсэсовцем? Он так и сказал: «Россия еще с нами не рассчиталась». Здорово вы с его помощью всем нам глаза раскрыли. Забрать все картины! Будет компенсация за коммунизм.

— О! — до сих пор глядевшая в монитор компьютера Пилипецкая всплеснула бледными худыми руками. — В США предлагают взять Путина себе в президенты. Говорят, он Россию ведет твердой рукой и их, мол, из кризиса вытащит. Совсем спятили, окорочков объелись...

— И Путина у них забрать! — сказал Цыпкин. — Что они без Путина? Сплошное разграбление, как при Ельцине, и криминальный беспредел.

— А зачем такой фашист Америке? — поджала сиреневые губы Пилипецкая. К Путину у нее были личные счеты. Ее муж когда-то в России сидел на газовой трубе. Со всем недолго, но и того хватило, чтобы по приезде в Канаду Пилипецкие сразу купили роскошный дом и наняли домработницу, садовника и водителя. Деньги положили под хорошие проценты в разные надежные канадские банки. Думали, поживут, отдохнут, сообразят, какие сделать выгодные инвестиции, и снова муж поедет в Рашку, подзаработает.

Но пришел Путин. И Пилипецкого к трубе не подпустили. Да еще в Канаде все пошло наперекосяк. Правительство обвинило нового иммигранта в отмывании средств, счета арестовали, вопрос о получении гражданства завис... Жили на птичьих правах, обслугу уволили, и пришлось даже трудиться. За зарплату. Это было оскорбительно. Глядя по телевизору, как жирует московская знать, Кира плакала злыми слезами.

Но обидно было еще и то, что ей, как женщине, Путин нравился. Она не сразу это в себе обнаружила. А только когда он ей приснился с обнаженным торсом, голубыми властными глазами и длинной удочкой. Путин бросил удочку и сильными руками обнял ее, Киры, сухонькое тело, отбросил ей со лба седеющую прядь и впился в губы. А потом смотрел ей в лицо, усмехаясь.

Кира тогда аж с кровати подскочила. Пошла на кухню, попила воды и подумала: «Надо принять какие-то таблетки. Крыша-то едет».

Надеялась, что это единичный случай. Но российский президент продолжал сниться. То он был в бушлате, то в кимоно, а чаще всего такой, как на рыбалке — с обнаженным торсом.

Кира все больше страдала от своей ночной беспринципности. «Ах, если бы он меня в живот поцеловал...» — ловила себя на мысли и вдруг начинала плакать в подушку, так стыдно ей было перед мужем за низменную тягу к этому мужику (а кто он? Все время рассказывает, что из народа), да еще и кагэбэшнику.

— Они еще своим народом гордятся, — сказал Цыпкин. — Алкашами этими. Кого ни возьми — алкаш. Высоцкий, Венедикт Ерофеев... Всякими еще своими Сусаниными в лицо тычут, Кулибиными, Левшами, которые какую-то вошь подковали... А зачем вошь ковать? Ты лучше автомастерскую открой или, там, парикмахерскую. Вот этих всех у них забрать, и кто останется? Одни алкаши... Однако баста, ребята, давайте работать. Так... все издания пошерстили... «Новую газету» не забыли, а «Коммерсант», а... ага... по двадцати четырем газетам прошлись? Молодца!

— Я думаю, газеты у них еще надо забрать, — сказал дизайнер. — Тогда им уж точно нельзя будет гордиться.

— Нет, газеты нельзя, — серьезно заметил Цыпкин. — Без их газет мы что будем делать? Сами, что ли, писать? Ага... Они с перепоею неплохо пишут, живо так, с огоньком...

— Да, газеты им надо оставить, — согласилась Пилипецкая и приступила к написанию собственной заметки под названием «Не верьте русским. Они все — агенты КГБ».

— Шо происходит? — вышел из своего кабинета Чмаковский. — За шо я вам плачу? Или тут компания, или богадельня?

Он слышал весь разговор, дверь его кабинета была закрыта неплотно.

Сотрудники погрузились в свои дела.

На следующий день грузчик Костя был немало удивлен, увидев редакцию в полном составе в так называемом «Русском белогвардейском обществе». Это самое общество, состоящее из бабушек и примкнувших к ним новых русских эмигрантов, родство с Россией помнящих, праздновало в одном из особняков центра города Масленицу. Вот там и сидел за столом Чмаковский со товарищи, наслаждаясь халявным обедом. В конце, утерев губы от масла, которым обильно были смазаны блины с икрой, издатель так расчувствовался, что расцеловал сидящих вокруг него священников.

«И блины, блины с икрой у них забрать, тогда точно у России ничего не останется», — подумал Чмаковский, идя к своему автомобилю.